

Русский апокриф по имени Желанная

Владимир
Чебурахов,
фото автора

В своем отечестве, как водится, пророков нет. В культурной резервации сегодня оказываются, к сожалению, не только экспериментальный рок и авангардный джаз, но подчас и классическая музыка, и фольклорная, то есть подлинно народная.

В 1996 году Инна Желанная стала единственной исполнительницей из России, чья песня попала в сборник «Единый мир», куда вошли композиции Питера Гэбриела, Боба Марли, Джипси Кингз, записи знаменитых шотландских, африканских, бразильских музыкантов. Выступая в составе группы «Альянс», к которой помимо нее примкнул в середине 90-х и известный музыкант-фольклорист Сергей Старостин, Желанная стала желанной гостьей на всех этнических фестивалях — в Бельгии, Нью-Йорке, Белграде. Однако в России она известна относительно небольшому кругу ценителей этнических музыкальных традиций. Ее называли русской Лизой Джерард, сравнивали с Ириной Богучевской и Настей Полевой. Ее собственные песни, звучащие на концертах, почти не отличишь от переработанных народных. Их завораживающая напевность на фоне затейливых арт-роковых аранжировок группы смотрится более чем убедительно и остается в памяти надолго.

— Инна, вашу музыку иногда называют трансковым фолком. Вы согласны с таким определением?

— Мне кажется, у нас недостаточно трансовости, чтобы претендовать на такое гордое название. Но если так считают, то это приятно. Мы сейчас еще дальше в этом направлении пойдем. Немножко меняем программу, «утяжеляемся».



■ Русский фолк не только выглядит современно, но и звучит

— А во время концерта вы сама чувствуете нечто подобное, впадаете, так сказать, в легкий транс?

— Если говорить про репетиции, то там такое точно происходит. Мы можем одну тему играть, скажем, минут 40. Это что-то страшное!

— Инна, как от увлечения рок-музыкой вы пришли к фолку?

— Я, пожалуй, все-таки буду утверждать, что рок-музыку-то я никогда и не играла. Я увлекалась. Мне нравились некоторые команды, но сама рок-музыкой не занималась. А песни, которые у меня были в 1989 году и ранее, совершенно не назывались роковыми. Это было скорее панк. Потому что играть тогда никто не умел, звучал такой скрежет «зубовный», и на это мы накладывали мои и не только

мои — иногда кардинально противоположные по характеру — вещи. То есть это была такая гремучая смесь. А потом Сергей Старостин появился. Он действительно показал, что такое фолк.

— Как у вас складываются отношения с радиостанциями?

— Да, наверное, как и прежде, — никак. Это замкнутый круг. Мы не востребованы, потому что нас не крутит радио; нас не крутит радио, потому что нас никто не слушает. — Ну, здесь вы явно скромничаете. И слушают, и любят, и уважают. У вас достаточно большая аудитория.

— Но нет по крайней мере радиостанции, которая крутила бы подобную музыку. Вот, скажем, на Западе их полно. А у нас все эти образования — «Русское радио» или «Рус-

ская тройка» — звучат странно. «Наше радио» опять же. Чье «наше», какое «русское»?

(В разговор вступает гитарист группы Игорь Журавлев.)

— Нет альтернативы. Вот в этом и проблема. А потом у нас мало кто любит давать деньги на искусство. Нет мецената, который проплатил бы нам, скажем, сто пятьдесят эфиров и после этого, может быть, мы стали бы востребованы. А аудитория у нас в России отнюдь не широкая. На Западе картина в этом смысле более благоприятная. И музыка другая звучит...

Желанная. ...и информация более доступная.

Журавлев. Они более любопытны, чем мы: интересуются — а что здесь и что здесь? У нас же — что дадут, то и едим.

— Вам приходится часто бывать на различных западных фестивалях. По вашим наблюдениям, интерес к русской культуре со временем возрастает или ослабевает?

Желанная. Он принимает несколько другую форму. Более серьезную, глубокую. Сначала это было как экзотика, в период «перестройки», когда открылись границы.

Журавлев. Была скорее мода на советское: серпы и молоты, красные кумачи, фуражки. А интерес к русскому фолку пришел гораздо позднее. Мы для них открыли глаза на то, что русская музыка — это не только «Калинка-малинка» и «Ой, мороз, мороз», что это вполне серьезная традиция, которая в общем-то индоевропейская, она не чужда ни немцам, ни французам. Причем мы несем не просто русскую,

мы несем славянскую культуру. Почему, например, когда мы играем на фестивале в Белграде, люди стоят в первых рядах и поют вместе с нами? У нас же корни языков общие. Да потом дело даже не в словах. Ну подумаешь, где-то там в песне слова не были слышны! Ну что там такого в словах: «На ясной месяц гляючи, она сидела у окошечка»? Мы несем музыкальный пласт прежде всего.

Желанная. И голос мой сейчас в группе чем дальше, тем больше будет звучать как просто солирующий инструмент.

— Инна, погружение в фольклор, в мир песен, которые были созданы несколько веков назад, меняет какие-то ваши повседневные привычки, манеру говорить и т.д.?

— У меня в разговоре, я заметила, полезли всякие «ня знаю», «плячь», вот буквально вчера (улыбается).

— Люди, серьезно изучающие фольклор, могут кому-то показаться такими дремучими, погрузившимися в устаревшее непонятное временное пространство, оторванными от окружающей действительности...

— Ну, это уж когда совсем башню сносит... Нет, мне кажется, если не доходить до фанатизма, то можно относиться к этому как к работе. Так же люди погружаются в математику, в литературу.

— В 1996 году вы приняли участие в «Евровидении». Какие были ощущения от конкурса?

— Все эти конкурсы — как и любая музыкальная передача: никакой борьбы за место там нет, потому что все решено заранее и все понятно, кто куда поедет. А так, лишний раз себя показать было приятно.

Журавлев. Как известно, в Европе нет КВНа. И вот у них, обездоленных, «Евровидение» замещает КВН. Ну надо же над чем-то смеяться! Об этом серьезно говорить как об искусстве не приходится. Кто больше денег даст — тот и победит.